

Глава V

ИСТОРИЯ КОМИССИИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

1. Деятельность А.Н.Норцова в должности уполномоченного Глав- архива по охране архивов Тамбовской губернии

После победы Октябрьской революции в стране началась коренная перестройка архивного дела на принципах, провозглашенных декретом Совета народных комиссаров от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Декрет декларировал национализацию документальных материалов и переход архивов дореволюционных правительственных учреждений в состав Единого Государственного архивного фонда (ЕГАФ). Для руководства ЕГАФ в составе Народного комиссариата просвещения был учрежден центральный руководящий орган — Главное управление архивным делом (Главархив, ГУАД). Декрет не затрагивал конкретных вопросов архивного строительства на местах, однако косвенно судьба губернских ученых архивных комиссий определялась его одиннадцатым пунктом, гласившим: «С опубликованием настоящего декрета отменяется действие всех донныне изданных декретов и постановлений об организации архивного дела в России».¹ В то же время каких-либо специальных постановлений о ликвидации ГУАК принято не было, так как в условиях переходного периода они являлись единственными учреждениями, способными возглавить работу по охране и организации провинциальных архивов. В этой связи в августе 1918 г. ГУАД направило в адрес комиссий циркуляр, в котором сообщалось об их переходе в его ведение, а также о том, что они должны «продолжать неукоснительно свою деятельность, согласуя ее, однако, во всем с постановлениями декрета».² Таким образом, после издания декрета от 1 июня 1918 г. ГУАК оказались в двойственном положении: с одной стороны, следуя его букве, они подлежали ликвидации, с другой — должны были продолжить работу, причем в условиях формирования новой системы архивного дела, по существу не оставлявшей для них места. Несмотря на подобную не-

определенность, ряду комиссий удалось с большей или меньшей степенью активности продолжить свою деятельность вплоть до начала 1920-х годов. Поводом для ее прекращения становилась их реорганизация, либо потеря по той или иной причине руководящего актива. Костромская комиссия, например, в 1918 г. была влита в состав Костромского научного общества по изучению местного края в качестве историко-археологической секции. Саратовская комиссия в 1919 г. была преобразована в Общество истории, археологии и этнографии при Саратовском университете, которое продолжило издание печатного органа бывшей ученой архивной комиссии, выпустив в 1923 г. первую часть 34-го тома под его прежним названием — «Труды».³

Последняя точка в истории ГУАК была поставлена циркулярным распоряжением Управления Центральным архивом РСФСР (Центрархив) от 16 октября 1923 г., которое гласило: «Вследствие продолжающих поступать с мест запросов о том, следует ли полагать упраздненными губернские ученые архивные комиссии, или же их надо считать продолжающими свое существование, Центрархив разъясняет, что декрет СНК от 1 июня 1918 г. изъятий для ученых архивных комиссий не делает, и таковые комиссии, в соответствие с означенным декретом, считаются ликвидированными».⁴

Тамбовская комиссия в числе других ГУАК не прекратила своей деятельности в первое послереволюционное время. Более того, ее существование как своеобразного местного историко-архивного органа было официально признано губернскими властями, о чем свидетельствуют следующие факты. Так, в соответствии с декретом Совета народных комиссаров от 31 марта 1919 г. («Положение о губернском архивном фонде») при заведующих губархивами создавались советы, в состав которых должны были войти представители местных научных и педагогических обществ, библиотек, музеев и отделов народного образования.⁵ 15 марта 1920 г. Тамбовская комиссия получила предложение от заведующего губархивом Н.Н.Терновского назначить своего представителя сроком на один год. Постановлением общего собрания комиссии от 21 марта 1920 г. в состав совета был избран А.И.Самоцветов. В апреле 1920 г. по инициативе любителей старины в Лебедяни было создано историко-археологическое общество как местное отделение ГУАК. Терновский в своем отношении в губисполком поддержал «полезное культурное начинание» и прислал о «скорейшем проведении его в жизнь».⁶

В 1918 г. на период до вхождения в силу законодательства об организации губернского архивного фонда были утверждены должности уполномоченных ГУАД в губерниях. В их обязанности входило решение всех вопросов, связанных с развитием архивного дела на местах: выявление губернских и уездных архивных фондов, принятие мер к охране частных и в особенности оставшихся безнадзорными государственных архивов, урегулирование вопросов, связанных с уничтожением дел и т.д.⁷ Уполномоченным предлагалось опираться в своей деятельности на архивные комиссии, губернские отделы народного образования и другие общественные и научные организации. Их представители должны были войти в со-

став формировавшихся при уполномоченных архивных коллегий, задачи которых заключались в разработке и принятии практических мер по охране архивов и проведении экспертизы ценности документов. К концу 1918 г. институт уполномоченных был создан в десяти губерниях, в число которых вошла и Тамбовская. В большинстве из них в связи с отсутствием новых архивных кадров на эти должности назначались председатели ученых комиссий. По рекомендации инспектора ГУАД Л.И.Львова, обследовавшего состояние тамбовских архивов, коллегия Главархива постановлением от 20 ноября 1918 г. утвердила уполномоченным по охране архивов Тамбовской губернии А.Н.Норцова. Его вступление в должность происходило в крайне неблагоприятных условиях переходного периода, когда прежняя организация архивного дела была упразднена, а новая система еще не сложилась. Большинство архивов ликвидированных или реформированных учреждений пребывало в самом хаотическом состоянии. Их документы расхищались или утилизировались, зачастую с ведома и разрешения губернской администрации. Переработкой архивов в губернии занимались два ведомства — Бюро бумажной секции губернского Совета народного хозяйства и губернский отдел продуктораспределения и товарообмена. На складах первого к началу 1919 г. скопилось три тысячи пудов бумаги, предназначенной к уничтожению (в том числе дела Тамбовского наместничества, духовной консистории, губернского присутствия и т.д.), второй занимался отправкой на переработку многочисленных архивов частей царской армии.⁸ Инспектор Главархива Н.Н.Терновский в своем отчете от 30 декабря 1919 г. о положении архивного дела в Тамбовской губернии констатировал: «На местах постоянно наблюдается не только полное неведение современного архивного законодательства, но и систематически проявляется крайне небрежное и даже преступное отношение к архивному фонду... никакие бумажные решения не приносят ожидаемых плодов, зачастую этим путем нельзя даже выявить архивные фонды, так как надлежащие запросы часто остаются без ответа, и только путем личных сношений можно оказать воздействие в области соблюдения архивного законодательства, собрать нужные сведения и побудить принять должные меры к сбережению архивов».⁹ По данным Терновского, к началу 1920 г. в губернии было уничтожено 44 крупных архива. Значительный ущерб архивам наносили реквизиции зданий. В марте 1919 г. было предложено в двухдневный срок очистить помещения духовной семинарии, архив которой хранил материалы ее более чем столетней истории. Здание передавалось военному ведомству под инструкторские курсы. Архив духовной консистории, часть помещений которой была занята под дезинфекционные камеры, пришлось свалить в кучи под колокольной. В наиболее тяжелом положении находились архивы, здания которых передавались под военные госпитали и воинские части, — именно так погибли фонды бывшего казначейства и съезда городских судей. Разграблению подверглись архивы, находившиеся в помещении присутственных мест: губернского жандармского управления, дворянского собрания, канцелярии губернатора, губернского правления, губернского комиссара Временного правительства. После размещения в

бывшем высшем Толмачевском училище Латышского стрелкового батальона и команды выздоравливающих бойцов в январе 1919 г. бесследно исчезли вместе со шкафами около тысячи дел дирекции народных училищ Тамбовской губернии.¹⁰ Летом 1919 г. команда дезертиров пустила на самокрутки часть архивов городской и земской управ. Значительно пострадали от расхищений архивы бывшего военного ведомства, погибла и часть усадебных архивов.

Таким образом, перед новым уполномоченным сразу же встала важная, но едва ли разрешимая в тот период в полной мере задача — принять меры к охране и упорядочению губернских архивных фондов. Положение усугублялось тем, что согласно решению ГУАД от 14 января 1919 г., штат сотрудников уполномоченного был ограничен до утверждения разрабатывавшегося в тот период декрета об организации Губернского архивного фонда.¹¹ Состав архивной коллегии, созданной при уполномоченном, насчитывал четыре человека. К их числу принадлежали ближайшие сотрудники А.Н.Норцова по ученой архивной комиссии: В.И.Конобеевский, исполнявший должность делопроизводителя-секретаря, архивариус С.К.Платонова, научные сотрудники Н.Н.Иванов и С.И.Соколов. Двое первых приступили к исполнению своих обязанностей с 20 ноября 1918 г., остальные — с 1 января 1919 г. Несколько позднее в качестве рассыльной в коллегию была принята Е.Д.Бровкина. Согласно решению ГУАД сотрудникам коллегии был назначен должностной оклад: уполномоченному и научным сотрудникам — 500 рублей, архивариусу и секретарю — 700 рублей. В январе 1919 г. А.Н.Норцов направил в Главархив свои предложения по организации архивного управления в губернии, на реализацию которых была выслана необходимая сумма. Всего за период с февраля по апрель уполномоченный получил из центра 19127 рублей. Из них сумма в 16055 рублей была выплачена в качестве жалованья сотрудникам, 600 рублей ушли на командировки, 600 — на разбор архивов и 1220 — на организационные расходы, остальные составили почтовые и телеграфные расходы.¹²

Вступив в должность уполномоченного, А.Н.Норцов принял в свое ведение 14 архивных фондов, принадлежавших ГУАК, и приступил к работе по обследованию местных архивов. Через уездные исполкомы в архивы правительственных учреждений, общественных организаций, церквей и монастырей были направлены опросные листы, преследовавшие своей целью выяснение их материально-финансового положения, обеспеченности штатами, степени угрозы расхищения, количественного и качественного состава собраний. К маю 1919 г. были получены ответы из Лебедяни, Елатьмы, Спасска, Моршанска, Темникова. Значительное количество сведений пришло от волостных советов: Липяговского, Зарубинского, Берестовского, Майданского, Булдыгинского, Дракинського, Анаевского, Грязинского и др. Ответы на анкеты были присланы также Борисоглебским, Шацким, Моршанским, Кирсановским военными, Тамбовским епархиальным советом, липецкими народными судьями, Ширингушским, Сасовским и Инжавинским советами. Всего в адрес уполномоченного пришло 48 ответов от губернских, уездных, волостных,

сельских и воинских учреждений. Анкетирование позволило установить печальную картину состояния уездных и волостных архивов, сильно пострадавших при переходе власти к Советам и в период реорганизации волостного аппарата управления. Значительная их часть была уничтожена, оставшаяся находилась в хаотическом состоянии. Местные власти санкционировали использование архивных дел в хозяйственных целях — они шли на изготовление конвертов, самокруток, применялись для текущей переписки. Не меньшей опасности архивы подвергались в ходе активно практиковавшихся перевозок фондов из одного помещения в другое. В большинстве своем такие перевозки осуществлялись небрежно, без подготовки технических условий и с нарушением порядка хранения дел. В результате определенная часть документов неизменно утрачивалась.

Учет и регистрация губернских фондов производились не только путем анкетирования, но и посредством личного осмотра архивов членами коллегии. С этой целью организовывались командировки, проведение которых субсидировалось ГУАД. В январе–феврале 1919 г. на эти цели было истрчено 1124 рубля.¹³ Однако наиболее важной задачей на тот момент являлось предотвращение уничтожения архивных документов. В этих целях А.Н.Норцов направил обращение в губисполком с просьбой издать постановление о неприкосновенности всех документальных собраний, обнаруживаемых при реквизиции частных библиотек. В феврале 1919 г. уполномоченный обратился с запросом в губернский Совет народного хозяйства по поводу предполагаемого уничтожения 30 пудов дел акцизного управления и 85 пудов волостных земельных отделов, а также обязал Темниковский уездный исполком остановить отправку на фабрику собранной архивной бумаги. Самым внимательным образом он отслеживал деятельность торговца В.А.Забавникова, открывшего в апреле 1919 г. при отделе коммунального хозяйства городского исполнительного комитета бюро по утилизации бумажного сырья. На его складах уполномоченный обнаружил архивы губернского присутствия, управления земледелия и государственных имуществ, духовной консистории, акцизного управления и других, о чем незамедлительно поставил в известность губернский исполнительный комитет. Особую заботу Норцов проявлял о спасении военных архивов. С этой целью архивная коллегия неоднократно направляла в адрес военных комиссаров запросы о состоянии подобных фондов. Предпринимались также возможные меры по спасению материалов военного характера, брошенных на произвол судьбы. Так, в апреле 1919 г. представитель уполномоченного С.И.Соколов принял участие в спасении уцелевших остатков архивов воинских частей — 127-го Витебского пехотного полка, 149-го Черногорского полка, 4-го мортирного артиллерийского дивизиона, которые были обнаружены сваленными в беспорядке под открытым небом.¹⁴

В начале 1919 г. деятельность коллегии во главе с А.Н.Норцовым в значительной мере осложнилась из-за создания параллельного органа по управлению архивным делом в губернии. Инициатором его организации стал архивариус школьного отдела (в прошлом заведующий архивом дирекции народных училищ) И.Г.Остроумов. Спустя две недели после на-

значения Норцова он направил в коллегия отдела народного образования записку под названием «Об организации центрального архива при отделе просвещения». Сотрудники архива, по мысли автора, должны были заняться обработкой материалов «в виде отдельных очерков, характеристик и общих обзоров» и написанием «новой истории в освещении торжествующего социализма».¹⁵ К записке прилагалась инструкция о разборе дел, которая предусматривала сохранение документов только советских учреждений. По рекомендации Норцова Остроумов был делегирован в состав архивной коллегии в качестве представителя губернского отдела народного образования. Однако участвовать в ее работе он отказался и выступил со вступительной инициативой создания в структуре отдела научно-архивного подотдела, который и был учрежден 10 января 1919 г.¹⁶ Необходимость его организации мотивировалась в постановлении коллегии отдела народного образования следующим образом: «Принимая во внимание, что работы в области архивных дел имеют целью научно-исторические исследования и тем самым неразрывно связаны с общей просветительной работой, подлежащей губорганам Наркомпроса, коллегия принципиально полагает, что организация управления архивными делами в губернии должна находиться в ведении Губотнаробраз, как неотъемлемая его часть на правах подотдела».¹⁷ Основной задачей подотдела объявлялось проведение в жизнь декрета от 1 июня 1918 г., хотя Главархив не предусматривал учреждения для этих целей иных органов, кроме института уполномоченных ГУАД. Декларируемые подотделом задачи в полном объеме совпадали с обязанностями уполномоченного ГУАД: принятие мер по охране архивов от расхищения и порчи, регистрация и концентрация архивов учреждений и частных лиц, разбор фондов с целью определения их научной ценности, передача наиболее важных дел в центральный губернский архив, научная обработка документов и подготовка их к печати. Сотрудники подотдела заявили, что отныне губернский архивный фонд находится всецело в их распоряжении и вопросы, связанные с уничтожением документов, переходят в их ведение. При этом, правда, они проявили вопиющую некомпетентность, направив в адрес Главархива просьбу разрешить организациям и учреждениям самостоятельно уничтожать архивные дела, так как в противном случае, по их словам, «централизация архивов при отделе народного образования вызовет крупные непроизводительные расходы на перевозку из уездов».¹⁸ Одновременно с уполномоченным подотдел поместил в «Известиях губернского Совета депутатов» объявление о присылке в его адрес описей дел, хранящихся в местных архивах, и сведений об их составе.¹⁹

Таким образом, в начале 1919 г. в Тамбовской губернии параллельно действовали два органа с тождественными функциями: архивная коллегия во главе с уполномоченным ГУАД А.Н.Норцовым и научно-архивный подотдел губернского отдела народного образования во главе с И.Г.Остроумовым. Однако, если Норцов был наделен полномочиями постановлением Главархива, то подотдел возник исключительно по инициативе местных властей и, следовательно, незаконно присвоил себе права по руководству архивным делом в губернии. Несмотря на это, президиум

губернского исполнительного комитета решением от 3 февраля 1919 г. постановил в целях ликвидации параллелизма в управлении архивным делом передать аппарат коллегии научно-архивному подотделу, а полномочия Норцова считать утратившими силу.²⁰ Подобное решение мотивировалось тем, что «частная организация» (по всей видимости, архивная коллегия отождествлялась с ученой архивной комиссией) расстраивает «планомерную деятельность правительственной». Вызванный для сдачи делопроизводства Норцов этому решению не подчинился, послав объяснение следующего содержания: «В ответ на приглашение от 4 февраля сего года за № 853 считаю долгом уведомить, что до получения мною от ГУАД некоторых разъяснений по предмету данных мне полномочий на заседаниях комиссии научно-архивного подотдела быть не могу».²¹

Поводом для нового обострения конфронтации стал прием уполномоченным ГУАД А.Н.Норцовым архива духовной семинарии. 5 февраля 1919 г. к нему обратился заведующий пехотными курсами командного состава с предложением в двухдневный срок освободить от архива здание бывшей семинарии. Руководствуясь данными ему полномочиями, Норцов, согласовав этот вопрос с бывшим ректором семинарии, распорядился перевезти архив в помещение ученой комиссии. Однако И.Г.Остроумов неожиданно заявил, что архив был изъят самовольно, и, сославшись на постановление губернского исполнительного комитета от 3 февраля 1919 г., потребовал передачи всех фондов ТУАК и занимаемого ею помещения в ведение подотдела. Он мотивировал свои действия тем, что архив духовной семинарии и описи дел архива губернского правления были приняты Норцовым уже после вынесения постановления исполкома о прекращении его полномочий, следовательно, он «заведомо вторгся в сферу деятельности Советской власти и нарушил ее права».²² Ввиду этого Остроумов просил принять срочные меры к прекращению деятельности уполномоченного. 8 марта коллегия губернского отдела народного образования приняла постановление о создании специальной комиссии по передаче архива ТУАК в ведение научно-архивного подотдела. Спустя неделю комиссия, в состав которой вошли Остроумов, представители губернского исполнительного комитета и городской милиции, опечатала помещение ученой архивной комиссии. Норцов немедленно обратился в губисполком с требованием разъяснить, на каком основании были произведены подобные действия. Подчеркнув, что по закону ведению уполномоченного ГУАД подлежат все дела, законченные на момент Октябрьской революции, Норцов заявил: «Полагая, что подобные действия Остроумова недопустимы с точки зрения этики в среде ученого общества, прошу президиум губисполкома предложить Остроумову немедленно вернуть взятый им ключ от помещения архивной коллегии, а Губернскую архивную коллегия оградить на будущее время от подобных действий».²³ 1 апреля он послал повторный запрос, оставшийся без ответа. Одновременно С.К.Платонова по поручению членов комиссии направила в Главархив на имя М.К.Любавского письмо, в котором характеризовала Остроумова как «морально больного человека» и просила положить конец его «грубости и насилию».²⁴

Трения между двумя губернскими органами по управлению архивным делом, переросшие со временем в острое столкновение, потребовали вмешательства Главархива. В Тамбов для разрешения конфликтной ситуации был направлен инспектор А.В.Сомов. 11 апреля 1919 г. при его участии состоялось заседание коллегии отдела народного образования, на котором был заслушан доклад И.Г.Остроумова. Разъяснения инспектора о законности полномочий А.Н.Норцова натолкнулись на встречные обвинения в его якобы несоответствии занимаемой должности. Собрание приняло решение просить ГУАД впредь согласовывать с местными властями кандидатуры уполномоченного и членов архивной коллегии. В принятом постановлении указывалось: «Считая, что работа по архивам имеет большое общественно-политическое значение, признать т. Норцова, уполномоченного по управлению архивными делами губернии, как несоответствующего с общественной и политической точки зрения данному назначению и просить инспектора Главархива т. Сомова о настоящем довести до сведения Главархива с тем, чтобы последний принял меры к срочному назначению уполномоченного, более соответствующего в качестве руководителя и организатора архивного дела в губернии».²⁵ В вину Норцову помимо прочего ставилось отсутствие активности, инициативы и «соответствующего технического аппарата». О его реакции на предъявленные обвинения свидетельствует письмо в адрес ГУАД, в котором заявлялось: «Такое неожиданное заключение вводит меня в совершенное изумление и недоумение, потому что никогда ничего общего с политической я не имел, ни в одном каком-либо политическом обществе не участвовал, а что касается до моей общественной деятельности, то она была и до самой смерти моей, надеюсь, будет исключительно научной».²⁶

В действительности причина неприятия местными властями А.Н.Норцова на официальной должности заключалась не в отсутствии у него необходимых профессиональных качеств, а в личном недоверии к нему как бывшему камер-юнкеру и председателю ТУАК, деятельность которой представлялась им если не вредной, то, по крайней мере, бесполезной. Однако представитель центра не разделял подобной оценки и имел свою точку зрения на происходящее. В своем отчете о командировке А.В.Сомов писал: «Что же касается положения Тамбовской ученой архивной комиссии, то таковая должна быть восстановлена в своих правах. Насколько я мог ознакомиться с ее трудами... мне представляется, что деятельность ее в дальнейшем может быть очень полезна Главархиву, в особенности если будут приняты меры к пополнению ее путем вступления новых членов и некоторой реорганизации в связи с новыми условиями жизни».²⁷ Действия подотдела были охарактеризованы им как недопустимое по существу и форме давление на уполномоченного. Однако, несмотря на поддержку центра, Норцов не считал для себя возможным оставаться после случившегося на прежней должности. «С совершенной готовностью и полной охотой приступил я, — писал он в обращении в Главархив, — к исполнению своих обязанностей и никак не мог предположить враждебного с чьей либо стороны отношения к этому вполне научному и бескорыстному делу».²⁸ 22 апреля 1919 г. Норцов попросил сложить с него обя-

занности уполномоченного, объяснив, что вынужден сделать это, к великому его сожалению, в связи с до сих пор еще невыясненными недоразумениями между архивным подотделом и архивной коллегией.

Ввиду отставки А.Н.Норцова центр направил в Тамбов временного уполномоченного Н.Н.Терновского.²⁹ На следующий день после своего прибытия, 17 мая 1919 г. новый уполномоченный принял у Норцова дела и составил акт о сдаче им должности по управлению архивами Тамбовской губернии. Спустя десять дней был утвержден новый штат сотрудников, которые приступили к исполнению своих обязанностей в июле 1919 г. Терновский знакомился с ситуацией на месте вплоть до начала июня того же года, а затем отбыл для доклада о положении архивного дела в губернии в Москву, поручив дела на время отсутствия своему заместителю С.К.Платоновой. Вступив во временное исполнение обязанностей уполномоченного, она приняла делопроизводство Норцова и Терновского, а также сумму денег в размере 106 рублей 50 копеек.³⁰ Местные власти решили сохранить аппарат научно-архивного подотдела до возвращения уполномоченного, хотя последним и было принято решение о немедленном его упразднении.

Выводы по сути конфликта, возникшего между архивными органами Тамбовской губернии, были изложены Н.Н.Терновским в докладе Главархиву и сводились к следующему. Возникший незаконно научно-архивный подотдел с самого начала своего существования активно противодействовал работе уполномоченного ГУАД А.Н.Норцова. Не имея на то прав, он опечатал помещения архивной комиссии, чем приостановил деятельность архивной коллегии и стал, по словам Терновского, «прямым тормозом в работе уполномоченного». «Описанное ненормальное положение, — констатировал представитель центра, — создавшееся на почве одновременного функционирования двух учреждений в одной и той же отрасли государственной работы по культурному строительству, естественно породило путаницу в умах различных властей и управлений, действовавших в губернии и самом Тамбове, одни признавали компетенцию уполномоченного, другие считались с распоряжениями научно-архивного подотдела... То., можно думать, что в данном случае имело место собственное рвение и усердие подотдела, создавшее излишние хлопоты для уполномоченного».³¹ В особую вину подотделу вменялось то, что вопреки выраженному Главархивом в отношении от 28 февраля 1919 г. предложению заняться архивными делами, отложившимися после 25 октября 1917 г., он распространил свою деятельность на все фонды, нарушив тем самым компетенцию уполномоченного. Деятельность Норцова в качестве уполномоченного была признана Терновским «полезной и вполне производительной, при ограниченности штата сотрудников и в тяжелых условиях местного конфликта с учреждением, явно противодействующим, возникнувшим и действующим противозаконно».³²

Получив полномочия ликвидировать оба органа и создать управление губернским архивным фондом, Н.Н.Терновский в конце июня 1919 г. вернулся в Тамбов. Губернский отдел народного образования был поставлен в известность, что на основании декретов Совета народных комиссаров

от 1 июня 1918 г. и 12 апреля 1919 г. заведование Государственным архивным фондом всецело возлагается на Главархив, который командует своих уполномоченных для проведения декретов в жизнь на местах. Ввиду этого он предложил в соответствии с постановлением ГУАД от 20 июня 1919 г. упразднить подотдел как учреждение, существование которого не предусмотрено Главархивом.³³ Таким образом, конфликт между научно-архивным подотделом и уполномоченным Главархива получил свое разрешение в результате упразднения первого и снятия с должности второго. Руководство архивным делом в губернии перешло к новому уполномоченному ГУАД Н.Н.Терновскому.

2. Условия функционирования и основные направления деятельности комиссии

Послереволюционную историю Тамбовской ученой архивной комиссии не представляется возможным восстановить во всей полноте в связи с отсутствием необходимых источников: протоколы заседаний комиссии и ее отчеты, относящиеся к этому времени, не сохранились. Однако по ряду данных можно утверждать, что ее работа, хотя и менее интенсивно, чем раньше, и с явной тенденцией к затуханию, продолжалась вплоть до начала 1922 г. 15 ноября 1919 г. научно-статистический отдел Главархива запросил у председателя комиссии сведения о ее персональном составе. В ответе А.Н.Норцова сообщалось: «Затрудняясь перечислением всех ее членов, из коих много ученых, профессоров, архивистов, вследствие отсутствия их из Тамбова, вынужден ограничиться только сообщением сведений о членах Правления комиссии».³⁴ Из этого можно сделать вывод, что основной объем работы в это время лежал на правителе дел В.И.Конобеевском, казначее Н.Н.Иванове, библиотекаре А.А.Щеголеве, хранителях музея и архива А.И.Самоцветове и С.К.Платоновой, слугителе К.А.Ивановой.

Деятельность комиссии в 1917-1922 гг. проходила в традиционных для нее формах и направлениях, хотя в заметно меньших масштабах. Первоначально наибольшее внимание уделялось работам по сохранению памятников искусства и старины, приоритетное значение за которыми закрепилось еще в период двоевластия. В июне 1917 г. Русское историческое общество направило в министерство внутренних дел отношение, в котором обращало внимание последнего на «в высшей степени полезную деятельность ученых архивных комиссий, способных при финансовой поддержке правительства вполне успешно справиться с актуальной задачей охраны исторических памятников».³⁵ 10 июня 1917 г. Временное правительство адресовало своим губернским и областным комиссарам директиву, предписывавшую ввиду участвовавших случаев уничтожения исторических и художественных памятников принимать их под охрану с последующей передачей на хранение в местные архивные комиссии. В соответствии с полученной директивой А.Н.Норцов известил тамбовского комиссара о готовности комиссии участвовать в спасении памятников и предоставить для их хранения свое помещение. Однако в отчете о деятельности ТУАК в 1917 г. председатель был вынужден признать, что

хотя комиссия и считала своим долгом предпринимать меры к сохранению от гибели памятников родной старины, на деле она не располагала необходимыми для этого авторитетом власти, материальными средствами и поддержкой центра.³⁶

После октябрьских событий 1917 г. деятельность ГУАК в данном направлении получила новый импульс. Общая озабоченность провинциальных историков и архивистов положением отечественного культурного наследия констатировалась в отношении Таврической ученой архивной комиссии в Академию наук от 28 ноября 1917 г.: «В настоящее время мы переживаем... ужас, вызванный позорным небывалым уничтожением, расхищением и непоправимой порчей памятников нашей истории и древности, нашей культуры, науки и искусства, произведенными, к неизгладимому позору нашему, самими же русскими людьми».³⁷ В то же время работа комиссий по спасению памятников значительно осложнилась из-за ухудшения их материального положения – поступления от главных жертвователей (губернских и уездных земств, органов городского самоуправления) к тому времени большей частью уже прекратились. Ряд ГУАК обратились в Академию наук с заявлением о том, что они находятся накануне финансового краха. В этой связи общее собрание Академии от 24 мая 1918 г. постановило затребовать у Народного комиссариата просвещения субсидии в размере пяти тысяч рублей для 14 наиболее деятельных комиссий (в том числе и Тамбовской) и трех тысяч для остальных. Однако ГУАД поставил Академию наук в известность, что ГУАК перешли в его непосредственное ведение и выяснение их потребностей находится в его исключительной компетенции.³⁸

Новые условия, хотя и значительно осложнили, но тем не менее не положили конец деятельности ГУАК по комплектованию губернского архива и музея. С апреля 1918 г. начался прием поступлений из временно пребывавших в Тамбове расформированных частей бывшей армии. Полковые командиры передали комиссии знамена, штандарты, старинное оружие, иконы, полковые регалии, которые были включены в состав военно-исторического отдела ее музея. Исторический архив пополнился войсковыми документами. Новые поступления представляли, по словам сотрудников комиссии, «ценный для будущего военного историка России» материал. Все перевозки осуществлялись ГУАК за свой счет, что привело к быстрому истощению ее бюджета. 5 августа 1918 г. А.Н.Норцов был вынужден направить в Московское археологическое общество просьбу об ассигновании проводившихся комиссией работ,³⁹ но ответа не получил.

Особое внимание ГУАК обращала на положение архивов, оставшихся без надзора или пребывавших в условиях, не гарантировавших их сохранность. Однако в условиях организационной неразберихи первых послереволюционных лет и при отсутствии финансирования деятельность комиссии в этом направлении не могла быть достаточно эффективной. В значительно меньших масштабах, чем прежде, велась работа по просмотру описей, присылавшихся учреждениями. В августе-сентябре 1918 г. в адрес комиссии поступили только описи дел казенной палаты и палаты

податных инспекторов Тамбовского уезда из финансового отдела губисполкома. В связи с созданием архивной коллегии и научно-архивного подотдела многие учреждения начали переадресовывать свои описи в новые инстанции. Как уже указывалось выше, с возникновением подотдела ГУАК оказалась в сложной ситуации, ибо он повел борьбу за ликвидацию не только архивной коллегии, созданной при уполномоченном А.Н.Норцове, но и архивной комиссии, явно отождествляя их. Последнее подтверждается содержанием принятого подотделом обращения в адрес губернского исполнительного комитета от 26 февраля 1919 г.: «Подотдел сообщает, что все архивы губернии, как учреждений, так и частных лиц, по декрету Совнаркома состоят в Едином Государственном Архивном Фонде, а потому в пределах Тамбовской губернии подлежат исключительно ведению научно-архивного подотдела Губотдела Наробраз, и никакие другие учреждения и лица не могут вмешиваться в архивное дело. Деятельность Тамбовской архивной комиссии в этом отношении ликвидирована решением губисполкома от 3 февраля с.г.».⁴⁰ Между тем в упомянутом постановлении речь шла об архивной коллегии, но никак не об архивной комиссии.

Немало волнений деятелям комиссии пришлось пережить в связи с предпринятой по традиции попыткой выявления документальных материалов, относящихся к истории края, за его пределами. С этой целью в ноябре 1919 г. ГУАК командировала в Пензу и Самару своего архивариуса С.К.Платонову. Поступившая к тому времени на службу в губархив Платонова взяла двухнедельный отпуск и получила соответствующий мандат от его заведующего Н.Н.Терновского. Однако сразу после прибытия в Пензу на вокзале она была арестована по обвинению в предъявлении подложных документов. В письме начальника пензенской губернской ЧК на имя Терновского сообщалось, что Платонова задержана как «подозрительная личность».⁴¹ Начатое следствие предъявило ей обвинение в принадлежности к контрреволюционной организации «Национальный центр». Почти полгода пожилая женщина провела в пензенской губернской тюрьме и смогла вернуться в родной город только в апреле 1920 г. После этого печального инцидента иногородние командировки членами комиссии более не практиковались.

Возможности нормального функционирования ГУАК в послереволюционный период были также ограничены в связи с отсутствием средств и резко обострившейся проблемой помещения. В сентябре 1918 г. тамбовские архивисты сообщили в Московское областное управление архивным делом: «В данное время комиссия не только не располагает средствами обследовать оставшиеся на местах и уцелевшие от погромов общественные и частные уездные архивы, но даже лишена возможности приспособить свое помещение для удобного хранения в нем собственных архивных дел, так как двести рублей правительственной субсидии и сто, приблизительно, рублей членских взносов и составляют весь почти годовой бюджет комиссии».⁴² Здание бывшей публичной библиотеки было передано военному госпиталю, а затем частям особого назначения. В результате в нем были выбиты стекла, повреждены двери, нарушено внут-

реннее устройство. В ноябре 1918 г. правитель дел констатировал: «Собственное помещение ученой архивной комиссии давно уже мало пригодно не только для заседаний ученого общества, но даже и для простого склада дел без риска их порчи и возможности полного уничтожения».⁴³ Поэтому комиссия в течение года не проводила общие собрания, ограничиваясь встречами членов правления ТУАК дважды в месяц для обсуждения текущих вопросов. В феврале 1919 г. претензии на здание заявил научно-архивный подотдел, направивший в чрезвычайное бюро по распределению помещений ходатайство о его освобождении от военного госпиталя и организации здесь центрального губернского архива. Бюро не сочло возможным удовлетворить просьбу подотдела в виду «чрезвычайно тяжелого жилищного кризиса».⁴⁴ Тем не менее помещение комиссии, как уже указывалось выше, в марте 1919 г. было опечатано, вследствие чего ее деятельность оказалась парализованной. Подобные действия были восприняты архивистами как вопиющая несправедливость. Эмоциональное состояние, владевшее ими в тот период, нашло отражение в письме А.Н.Норцова от 25 марта 1919 г., направленном в Главархив. «Осмеливаюсь почтительнейше и усерднейше просить Вас, — писал председатель, — обратить особое внимание на такие совершенно неоправданные действия отдела народного образования, который, очевидно, решил реквизировать и помещение, и имущество комиссии. В течение 35 лет ученая архивная комиссия работала бескорыстно и с любовью к делу, и за все труды свои сначала, осенью 1918 г., лишилась насильственно своего музея, а теперь, быть может, лишится и всего имущества — помещения, библиотеки, архива и проч. Такое положение вещей не может долго продолжаться без ущерба для деятельности комиссии... Я не могу в конце своей деятельности вступать с представителями отдела в состязание на поприще насилий и беззаконий, я согласен скорее сложить с себя полномочия (если на то последует официальное подтверждение Главного Управления). Единственное, что я тогда бы просил — это разрешить ученой архивной комиссии закончить свою деятельность, как подобает не гонимому, а ученому обществу, чтобы имена членов комиссии остались бы чистыми и без нареканий в будущем».⁴⁵ Обращение за помощью в ГУАД возымело свое действие: по распоряжению его представителя Н.Н.Терновского ключи от помещения были возвращены членам комиссии. ТУАК на непродолжительное время получила возможность возобновить свою деятельность. В этой связи председатель ходатайствовал перед Главархивом об отпуске денег на ремонт помещения. К этой просьбе присоединился и Терновский, указавший, что на текущий момент оно является единственным местом в Тамбове, которое «находится в надежных руках» и где обеспечивается «внимательное и бережное отношение к историческим материалам».⁴⁶

Однако, приступив с 1 июля 1919 г. к фактическому исполнению своих обязанностей уполномоченного по архивам Тамбовской губернии, Н.Н.Терновский сам заявил о своем праве на помещение ТУАК. «Я полагаю, — писал он в письме от 15 июля А.Н.Норцову, — что архивная комиссия, пользовавшаяся поддержкой и покровительством Главного управле-

ния архивным делом, в силу какого покровительства она лишь и могла возобновить свою деятельность, не может иметь чего-либо против дальнейшего совместного использования здания».⁴⁷ Действия Терновского были восприняты членами ТУАК как неправомерные и нарушающие их законные права. В конце июля, так и не получив согласия Норцова, новый уполномоченный занял зал заседаний комиссии под свою канцелярию. До этого момента между председателем и представителем центра существовали лояльные и даже доброжелательные отношения. Перед отъездом Терновского в Москву Норцов преподнес ему в дар свои труды, а тот в свою очередь ходатайствовал перед ГУАД о назначении денежного довольствия прежнему уполномоченному, определенному себе, по его мнению, слишком скромный оклад.⁴⁸ Однако после занятия помещения комиссией отношения между ними резко ухудшились и вскоре перешли в открытую конфронтацию. В этой связи члены комиссии крайне отрицательно восприняли поступление С.К.Платоновой на службу в аппарат нового уполномоченного и даже поставили вопрос о ее отстранении от должности хранителя архива ТУАК. 25 июля 1919 г. П.Ф.Шульц, И.И.Львов и М.Ф.Николаевский направили в адрес правления ТУАК заявление следующего содержания: «Просим общее собрание выяснить вопрос о том, имеет ли право С.К.Платонова, поступившая в настоящее время на службу к уполномоченному Главархива, оставаться далее в должности хранительницы исторического архива Тамбовской ученой архивной комиссии, помещение которой без ведома комиссии, занято с 1 июля вышеупомянутым уполномоченным».⁴⁹

31 июля 1919 г. А.Н.Норцов обратился в Главархив с запросом о наличии у нового уполномоченного ордера на занятие помещения комиссии. В отношении ГУАД от 6 августа 1919 г. Н.Н.Терновскому предлагалось сообщить, какими побуждениями он руководствовался при подыскании себе помещения. Тот в свою очередь пояснил, что по счетам жилищного отдела городского Совета депутатов за период с 1 декабря 1918 г., все площади, занимаемые комиссией, оплачивались как помещение уполномоченного. Следовательно, получив его на правах преемственности, Терновский, по его мнению, не нуждался в предъявлении каких-либо ордеров.

Дальнейшее обострение отношений между А.Н.Норцовым и Н.Н.Терновским произошло в связи с распоряжением последнего передать фонды Сухтелену, Канкриных, Ламбертов на хранение в губернский архив. 20 мая 1920 г. в адрес председателя была направлена лаконичная записка следующего содержания: «Срочно! Сим предлагаю Вам незамедлительно в течение трех дней с получения сего письма представить хранящийся у Вас усадебный архив графов Канкриных-Ламберт-Сухтелен в Тамбовский губернский архив».⁵⁰ Норцов счел подобный тон письменного обращения «жандармско-полицейским» и «недостойным ученой корпорации». В свою очередь Терновский расценил сомнения в законности его требований как проявление «наглости и разнузданности». В июне 1920 г. председатель ТУАК направил в Главархив жалобу на действия уполномоченного, сообщив, что после реквизиции помещения членам комиссии негде

продолжить свою работу. При этом он указал, что, несмотря на все стеснения, комиссия старается работать настолько возможно в том же научном направлении, что и прежде. Не оставшийся в долгу Терновский заявил со своей стороны, что комиссия не может испытывать никакого стеснения, так как вообще ничего не делает. Забыв о своей прежней высокой оценке деятельности ТУАК, он охарактеризовал ее труды как «черносотенно-молебленно-дворянские», состав комиссии как скопище «бездельников из местного чиновничьего круга, угодливых консисторских чиновников и т.д.», а генеалогические работы Норцова как рассказы о собственных «родственников и свойственников».⁵¹ Кроме того, он заявил, что ученые архивные комиссии являются учреждениями устаревшими, действующими на основе высочайше утвержденных уставов, а потому подлежащими упразднению. Вследствие этого, заключил Терновский, местная комиссия вообще не вправе претендовать на какие-либо помещения. Действия же Норцова он расценил как «рецидив беспокойного ложного самолюбия».

Положение ТУАК, утратившей после революции юридический статус и продолжавшей деятельность полуофициально, действительно было более чем уязвимо. И в конечном итоге ее бескомпромиссная позиция, проявившаяся в отказе делить помещение с новыми органами, окончательно решила ее судьбу. В начале сентября 1921 г. губернская квартирная комиссия приняла постановление о предоставлении здания бывшей публичной библиотеки в распоряжение губархива. 29 октября из него были выведены остатки воинской части, и архиву был вручен ордер на владение всеми помещениями и надворными постройками. Комиссия лишилась последних остатков своей материально-технической базы, часть ее архива и документации была перенесена на квартиру А.Н.Норцова.

В условиях, когда неизбежность скорого конца комиссии была более чем очевидна, некоторые из ее деятелей предприняли попытки найти свое место в новой системе организации архивного и музейного дела. Действия председателя в этом направлении, как следует из вышеизложенного, окончились неудачей. Причины этого заключались в широко известных среди тамбовского общества политических взглядах А.Н.Норцова. Не случайно дважды — в мае 1917 г. и феврале 1919 г. — по предложению губернского Совета рабочих и солдатских депутатов в его доме производились обыски. Хотя оснований для обвинения в нелояльности по отношению к новой власти председатель не давал, цель обысков, как свидетельствует выданный местным отделением ЧК ордер, заключалась в «обнаружении каких-либо документов, могущих дать указания на деятельность Норцова, явно направленную во вред существующему политическому строю».⁵² Вне зависимости от результатов обыска, не давшего компрометирующих материалов, Норцов был признан несоответствующим своему назначению «с политической точки зрения». Судя по сохранившимся письмам, после увольнения он собирался уехать из Тамбова. Комиссия, лишившаяся помещения, доживала последние дни, получение нового служебного назначения было маловероятно, и единственное, что удерживало Норцова в городе — это судьба его библиотеки. После установления новой власти ему

стоило больших трудов добиться получения на нее охранной грамоты. Его прошение, направленное в губернский отдел образования в октябре 1918 г., исполнено неподдельного отчаяния. «Исследования, которым я отдал уже много лет, — писал Норцов, — составляют для меня единственное, так сказать, утешение, единственный смысл жизни и лишиться книг, с помощью которых только и возможны эти исследования, будет для меня равносильно смерти».⁵³ Но уже спустя полгода он был вынужден искать пути устройства своих книжных собраний. В письме профессору В.П.Бузескулу от 23 июня 1919 г. он сообщал, что в связи с ликвидацией своих дел в Тамбове готов передать библиотеку Харьковскому университету.⁵⁴ Опасался председатель и возможного «уплотнения». В одном из писем он отмечал: «Не уверен, долго ли еще дом, в котором я живу, будет моим и не придется ли из него удалиться, ибо уже есть местный декрет о секвестрации всех особняков».⁵⁵ Однако планировавшийся отъезд так и не состоялся. После своего отхода от активной организаторской и научной деятельности Норцов прожил недолго — в начале 1922 г. он тяжело заболел крупозным воспалением легких и 24 февраля скончался. Его похороны состоялись на Петропавловском кладбище Тамбова. Памяти председателя было посвящено заседание губархивбюро, состоявшееся 15 октября 1922 г. Выступившие на нем заведующий И.М.Катаев, сотрудники П.Н.Черменский и А.Э.Спенглер охарактеризовали первого губернского уполномоченного по делам архивов как «разностороннюю по запросам натуру с ярко выраженными наклонностями к историческим исследованиям» и особо отметили его весомый вклад в организацию краевых научно-исторических исследований.⁵⁶

Судьба остальных деятелей комиссии сложилась по-разному. Хранителю музея А.И.Самоцветову удалось поступить на службу в Тамбовский народный музей. В заявлении, направленном в комиссию по устройству музея, он выразил желание «приносить посильную пользу народному музею в собирании материалов для изучения истории родного Тамбовского края и в фотографировании разных предметов и зданий, замечательных в каком-либо отношении».⁵⁷ В октябре 1919 г. Самоцветов был зачислен в штат сотрудников музея в качестве фотографа. Казначей архивной комиссии Н.Н.Иванов, в прошлом заведующий школьным отделом Тамбовской уездной земской управы, поступил на службу в губернский отдел народного образования. Непосредственно с работой в губархиве связаны имена небольшого числа деятелей ТУАК — хранителя архива С.К.Платоновой, библиотекаря А.А.Щеголева и сотрудников С.И.Соколова и П.Н.Черменского. Платонова, занимавшая с 1 июля 1919 г. должность заместителя уполномоченного Главархива по охране архивов Тамбовской губернии, 24 августа 1920 г. была зачислена в штат губархива в качестве архивариуса. Щеголев, продолжавший осуществлять надзор за находившейся в помещении губархива библиотекой комиссии, был принят на работу как временный сотрудник. Соколов, бывший преподаватель и инспектор реального училища, в 1918 г. возглавил школьный совет, а спустя год был принят в губархив в качестве помощника архивариуса, получив впоследствии должность заведующего научно-организационным

подотделом. Черменский в июне 1919 г. был назначен архивариусом Лебедянского уезда, однако в связи с ликвидацией научно-архивного подотдела губернского отдела народного образования в этой должности утвержден не был. Благодаря состоявшемуся летом 1919 г. знакомству с Н.Н.Терновским он получил возможность переехать в Тамбов и 2 июня 1920 г. был зачислен на службу в губархив в качестве научного сотрудника и представителя Тамбовского университета, профессором которого являлся.

Однако деятельность бывших членов ТУАК в качестве сотрудников губархива оказалась непродолжительной. С.К.Платонова была уволена в октябре 1921 г. в соответствии с ходатайством заведующего И.М.Катаева как не имеющая возможности «отправлять свои обязанности по болезни». В ее лице губархив лишился опытной сотрудницы, которую инспектор Главархива А.В.Сомов характеризовал в свое время как «наиболее ценную работницу в г. Тамбове, едва ли не единственное лицо, вполне владеющее техникой архивного дела, знающее состав и состояние архивов в городе», а Н.Н.Терновский считал «крайне ценным архивным работником выдающейся трудоспособности». ⁵⁸ Работа остальных была прервана вследствие состоявшейся в июне 1924 г. проверки Тамбовского губархивбюро инспектором рабоче-крестьянской инспекции И.Д.Гусевым. Его приезд был инспирирован заявлением заведующего губерньским отделением Истпарта и политической секцией губархива П.П.Крошицкого. В адресованном им в Центрархив письме сообщалось о неблагоприятном положении губернского архивного дела и необходимости чистки аппарата губархива, охарактеризованного им как «букет махровой черной сотни» во главе со «старым бюрократором, чиновником до мозга костей». ⁵⁹ О неблагонадежности состава губархива, по его мнению, свидетельствовал тот факт, что бывшему библиотекарю ТУАК А.А.Щеголеву, в прошлом члену монархического «Союза русского народа», поручался разбор дел губернского жандармского управления. Подобные обвинения И.М.Катаев в своем докладе на совещании рабоче-крестьянской инспекции 10 июня 1924 г. охарактеризовал как «прямое, сознательное или незосознательное, искажение действительности». Он заявил, что Щеголев занимался сугубо технической работой и никакого отношения к разбору дел жандармского управления не имел. Что же касается выдвинутых против члена бывшей архивной комиссии обвинений в политической неблагонадежности, то, по словам Катаева, ни официальных, ни неофициальных указаний на этот счет ему сделано не было. ⁶⁰ Тем не менее по результатам проверки общее состояние архивного дела в губернии было признано неудовлетворительным, а штат губархива не соответствующим своему назначению. В особую вину руководству архива ставились «политические неразвитость и недомыслие». Вскоре после указанных событий губархивбюро в полном составе было распущено, а его новым заведующим был назначен П.П.Крошицкий.

После прекращения деятельности ТУАК встал вопрос о судьбе собранных ею документальных, книжных и вещественных собраний. Участие исторического архива и библиотеки комиссии решалась в соответствии с

циркуляром Центрархива РСФСР от 16 октября 1923 г. «О материалах бывших губернских ученых архивных комиссий», ⁶¹ предписывавшим губернским архивным учреждениям принять документальные и книжные собрания комиссий в свое ведение. В отношении от 30 октября 1923 г. Тамбовское губархивбюро сообщило Центрархиву, что исторический архив и библиотека ученой комиссии уже поступили в его распоряжение и находятся в центральном актохранилище. ⁶² Более точная дата перехода архива и библиотеки комиссии в распоряжение нового архивного органа в источниках отсутствует. Однако можно предположить, что это произошло вскоре после занятия помещения ТУАК уполномоченным Н.Н.Терновским в июле 1919 г. Во всяком случае, перечень фондов, поступивших в губархив к 1 января 1921 г., указывает и на исторический архив ученой комиссии. Ввиду большей по сравнению с другими фондами систематизированности, его материалы были положены в основу формировавшегося губернского архива. Несколько позднее в ведение новых органов перешли материалы архивов Сухтеленов, Канкриных и Ламбертов. 15 октября 1919 г. в Тамбов прибыл сотрудник I отделения II секции ЕГАФ Л.И.Евстратов, получивший от ГУАД полномочия вывезти вышеупомянутые архивы, а также фонды Баратынских и Дельвигов, в созданное специально для концентрации важнейших частновладельческих собраний Московское хранилище частных архивов. 20 мая 1920 г. Терновский направил А.Н.Норцову предписание о передаче указанных фондов в губархив. Это предложение, по всей видимости, не нашло отклика у председателя комиссии, который обратился за разъяснениями в Главархив. Заместитель заведующего ГУАД А.Трояновский заверил его в правомочности подобных требований и сообщил, что после передачи фондов «занятия членов архивной комиссии могут беспрепятственно продолжаться в новом ее хранилище». ⁶³ После смерти Норцова в губернское хранилище поступили также его архив и остатки некогда богатой, но большей частью распроданной личной библиотеки в количестве 1500 томов. К этому времени библиотека комиссии, насчитывавшая 5541 том, ⁶⁴ по-прежнему находилась в ее бывшем помещении под присмотром А.А.Щеголева. Собрание сотрудников губархивбюро 16 июня 1923 г. приняло постановление о принятии книг ТУАК в ведение штатного сотрудника. На основе этих фондов предполагалось создать губернское библиотечное бюро.

Судьба музея комиссии решалась в соответствии с декретом СНК РСФСР от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». ⁶⁵ На основании декрета все ведомственные и частные музеи национализировались и переходили в распоряжение Наркомата народного просвещения. 15 января 1918 г. в Тамбове была создана комиссия по устройству городского музея. В июне того же года она обратилась к ТУАК с предложением передать фонды историко-археологического музея в распоряжение устроителей будущего музея и назначить представителя для участия в заседаниях членов комиссии по устройству городского музея. По решению собрания членов ТУАК им был избран

А.И.Самоцветов. В сентябре 1918 г. большая часть коллекций музея комиссии, состоявшего к тому времени из этнографического, археологического, церковно-исторического, военно-исторического и палеонтологического отделов, перешла в ведение Тамбовского народного музея. По описи в них числилось 1270 экспонатов.⁶⁶ Некоторую часть коллекций архивная комиссия предпочла оставить в собственном распоряжении. В этой связи 9 апреля 1919 г. подотдел музеев и охраны памятников искусства и старины запросил сведения о месте их нахождения. Оставшиеся фонды перешли поступили в народный музей в 1921 г.

Остальным имуществом архивной комиссии распорядились согласно постановлению Центрархива от 18 апреля 1924 г., в частности, гласившего: «Центрархив, подтверждая циркулярное распоряжение за № 5296 о ликвидации ученых архивных комиссий и переходе всего архивного и библиотечного материала означенных комиссий в непосредственное ведение Губархивбюро как их непосредственных преемников, вместе с тем разъясняет, что картины, портреты и имущество военно-музейного характера должны быть переданы в местный Губмузей, с которым и надлежит войти в сношение Тамбовскому Губархивбюро. Предметы же обихода (мебель, обстановка и пр.) и та часть имущества музейного характера, которая не будет признана Губмузеем подлежащей хранению в музее, может быть взята в ведение Губархивбюро в том случае, если указанные предметы составляют имущество ученой архивной комиссии». ⁶⁷ Вопрос о ликвидации имущества комиссии обсуждался на частном совещании ее бывших членов А.И.Самоцветова, В.И.Конобеевского, Н.Н.Иванова и других 9 апреля 1924 г. Они довели до сведения губархивбюро, что в числе имущества комиссии находились фонды городской публичной библиотеки, переданные ей в дар губернатором В.Ф. фон-дер-Лауницем в начале 1900-х гг. Было также указано место их хранения — в кладовой архивной комиссии. В присутствии членов комиссии кладовую вскрыли и изъяли 27 ящиков с книгами.

В начале 1924 г. в губархивбюро была создана специальная комиссия для учета имущества ТУАК, которое было разделено на три части: архивные дела и книги; картины, портреты и прочие предметы, составлявшие интерьер помещения; произведения изобразительного и прикладного искусства музейного значения. 1 февраля 1924 г. в Центрархив было направлено две описи, составленные по результатам учета имущества комиссии. В первую в количестве 52 наименований вошли предметы, находившиеся в помещении ТУАК. Среди них подавляющее место занимали предметы военно-музейного характера — оружие, принадлежности военного обмундирования, памятные подарки А.Н.Норцову и т.д. Во вторую были включены 53 картины, хранившиеся в помещении библиотеки ТУАК, из них девять были переданы по акту от 8 марта 1924 г. губмузею.⁶⁸

Послереволюционный период истории Тамбовской ученой архивной комиссии был более продолжителен, чем у ряда других ТУАК. Хотя ее члены и стремились в это время продолжить свою работу в привычных для них формах и в русле сложившихся направлений, их деятельность была осложнена объективными обстоятельствами. В силу этого она све-

лась главным образом к попыткам организации контроля над архивами упраздненных учреждений и принятию мер к их концентрации в историческом архиве. Приданию этим действиям легитимности в большой степени способствовало назначение председателя ТУАК А.Н.Норцова уполномоченным Главархива по охране архивов Тамбовской губернии. Однако вступление комиссии в конфронтацию с новыми архивными органами дало вскоре повод для ее окончательной ликвидации. Некоторые из бывших членов ТУАК попытались применить свой опыт и квалификацию в условиях формирования новой системы архивного дела в первой половине 1920-х годов, однако большинство из этих попыток оказались обреченными на неудачу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. II. С. 384.
- ² См.: *Максаков В.В.* Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959. С. 81.
- ³ См.: Издания губернских ученых архивных комиссий, 1884-1923 /Сост. Л.Ф.Писарькова. Нью-Йорк, 1994. Вып. 1. С. 59.
- ⁴ Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 — июнь 1941 гг.). М., 1961. С. 101.
- ⁵ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. IV. С. 541-543.
- ⁶ ГАТО. Ф.Р-1487. Оп. 1. Д. 11. Л. 28.
- ⁷ Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1921. С. 88-90.
- ⁸ ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп. 9. Д. 203. Л. 2 а.
- ⁹ ГАТО. Ф.Р-1487. Оп. 1. Д. 16. Л. 88.
- ¹⁰ ГАТО. Ф.Р-1404. Оп. 1. Д. 242 а. Л. 10.
- ¹¹ ГАТО. Ф.Р-1487. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.
- ¹² Там же. Л. 29-31.
- ¹³ Там же. Л. 23.
- ¹⁴ ГАТО. Ф.Р-1404. Оп. 1. Д. 242 а. Л. 27.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп. 9. Д. 48. Л. 479.
- ¹⁶ Тамбовская губерния была не единственной, где местные власти, не дожидаясь принятия декрета о губернском архивном фонде, приступили к созданию новых архивных органов. Например, во Владимире наряду с официальным уполномоченным ГУАД архивным делом занимался художественно-архитектурный подотдел отдела народного образования, в Самаре — специально созданная архивная комиссия во главе с заведующим отделом народного образования, в Калуге — общество изучения древностей и охраны художественных памятников.
- ¹⁷ ГАТО. Ф.Р-1404. Оп. 1. Д. 102. Л. 68.
- ¹⁸ Там же. Д. 242 а. Л. 12.
- ¹⁹ Известия Тамбовского губернского Совета депутатов. 1919. 7 февраля.
- ²⁰ ГАТО. Ф.Р-1404. Оп. 1. Д. 242 а. Л. 37.
- ²¹ ГАТО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 119. Л. 618.
- ²² Там же. Л. 24 об.
- ²³ Там же. Л. 23 об.
- ²⁴ ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп. 9. Д. 92. Л. 60.
- ²⁵ ГАТО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 102. Л. 68.
- ²⁶ ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп. 9. Д. 92. Л. 101 об.
- ²⁷ Там же. Д. 48. Л. 480 об.
- ²⁸ Там же. Д. 92. Л. 101.
- ²⁹ Н.Н.Терновский — выпускник историко-филологического факультета Университета св. Владимира (Киев) и юридического факультета Московского университета. До революции он преподавал в гимназии, с 1919 г. являлся членом Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников старины, а также инструктором Главархива.
- ³⁰ ГАТО. Ф.Р-1487. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
- ³¹ Там же. Д. 10. Л. 81, 82 об.
- ³² ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп. 9. Д. 48. Л. 484 об.
- ³³ Там же. Д. 1. Л. 126.
- ³⁴ Там же. Д. 9. Л. 26.
- ³⁵ ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 102. Л. 7.
- ³⁶ ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп. 9. Д. 48. Л. 475.

- ³⁷ ПФА РАН. Ф.2. Оп.2. Д.34. Л.51.
³⁸ Там же. Ф.1. 1918 г. Оп.1 а. Д.165. Л.173.
³⁹ ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.521. Л.10.
⁴⁰ ГАТО. Ф.Р-1404. Оп.1. Д.242 а. Л.49.
⁴¹ ГАТО. Ф.Р-1487. Оп.1. Д.10. Л.164.
⁴² ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп.9. Д.48. Л.477 об.
⁴³ Там же. Д.92. Л.8.
⁴⁴ ГАТО. Ф.Р-1404. Оп.1. Д.242 а. Л.39-40.
⁴⁵ ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.475. Л.3-4.
⁴⁶ ГАТО. Ф.Р-1487. Оп.1. Д.10. Л.82 об.
⁴⁷ Там же. Д.2. Л.14.
⁴⁸ ГАТО. Ф.Р-1487. Оп.1. Д.10. Л.82 об.
⁴⁹ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.102. Л.12.
⁵⁰ ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп.9. Д.92. Л.352.
⁵¹ Там же. Л.354 об.
⁵² ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.79. Л.1.
⁵³ Там же. Д.65. Л.5.
⁵⁴ Там же. Д.466. Л.1.
⁵⁵ Там же. Д.103. Л.5.
⁵⁶ ГАТО. Ф.Р-1487. Оп.1. Д.30. Л.146.
⁵⁷ ГАТО. Ф.Р-1404. Оп.1. Д.242. Л.7.
⁵⁸ ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп.9. Д.48. Л.478; Д.92. Л.115.
⁵⁹ Там же. Д.818. Л.4.
⁶⁰ ГАТО. Ф.Р-1487. Оп.1. Д.20. Л.9.
⁶¹ Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 гг.). С.101.
⁶² ГАТО. Ф.Р-1487. Оп.1. Д.50. Л.116.
⁶³ Там же. Л.185 а.
⁶⁴ ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп.9. Д.818. Л.24.
⁶⁵ Декреты Советской власти. М., 1964. Т.III. С.225-226.
⁶⁶ ГАТО Ф.Р-1404. Оп.1. Д.366. Л.4,7 об.
⁶⁷ ГАТО. Ф.Р-1487. Оп.1. Д.60. Л.10.
⁶⁸ Там же. Д.13. Л.1-4,10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тамбовская ученая архивная комиссия, история которой охватывает период немногим менее четырех десятилетий, принадлежала к числу первых ГУАК и являлась одной из последних, закончивших свое существование при Советской власти. В силу этого ее история отразила все этапы развития, которые прошли эти уникальные, не имевшие аналогов в мировой практике научные общества. В деятельности комиссии проявились все сильные и слабые стороны ГУАК, их достижения и неудачи. Главный итог, к которому архивные комиссии подошли к концу своего существования, заключался в том, что, несмотря на крайне неблагоприятные условия, им удалось зарекомендовать себя вполне жизнеспособными и продуктивными научными сообществами. Многие проблемы, с которыми пришлось столкнуться ГУАК, были заложены уже в момент их учреждения и, несмотря на оптимистические прогнозы их создателя Н.В.Калачова, не получили разрешения вплоть до последних дней их истории. В первую очередь к ним относится отсутствие четких организационно-правовых основ деятельности. Хотя ГУАК и были учреждены по правительственному «Положению», они носили характер полуобщественных-полуправительственных организаций. Признать их государственными учреждениями не позволяет отсутствие таких атрибутов официальных структур, как регулярное финансирование из средств государственной казны, штат оплачиваемых должностных лиц с соответствующим чиновничеством и пенсионным обеспечением, права на бесплатную рассылку корреспонденции, гербовую печать и т.д. С другой стороны, предположившиеся к учреждению общества были призваны выполнять задачу государственного характера, непосильную для общественных организаций, – способствовать упорядочению архивного дела на местах. Столь же неопределенным было ведомственное подчинение ГУАК, находившихся одновременно в ведении министерств внутренних дел и народного просвещения. Следствием неурегулированности правового статуса комиссий стало их удручающее материально-финансовое положение, препятствовавшее выполнению задач в полном объеме. Тамбовская комиссия принадлежала к числу ГУАК, функционирование которых в значительной степени было осложнено тем, что они не имели удовлетворительно-